

«РОДИТЕЛЬСКИЙ КРУЖОКЪ» при Педагогич. музеѣ в.-уч. зав. въ Спб.

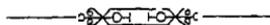
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

—
ВЫПУСКЪ X.

Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе.

К. Ельницкаго.



Редакторъ *П. Каптеревъ*.
Завѣдыв. изданіемъ *Алексѣй Альмедингенъ*.
Адресъ редакціи: Спб., Моховая, д. 1, кв. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Понятіе о привычкѣ. Отличіе привычныхъ дѣйствій отъ инстинктивныхъ	3
II. Значеніе привычекъ въ нашей тѣлесной жизни.	5
III. Значеніе привычекъ въ нашей душевной жизни	7
IV. Польза и вредъ привычекъ и ихъ значеніе въ ряду другихъ воспитательныхъ средствъ	13
V. Образованіе привычекъ	18
VI. Предупрежденіе дурныхъ привычекъ.	26
VII. Искорененіе дурныхъ привычекъ	27
VIII. Главнѣйшія привычки	30
Литературныя указанія	32

Дозв. ценз. Спб., 8 марта 1899 г.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

ПРИВЫЧКИ, ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ И ВОСПИТАНІЕ.

I.

Понятіе о привычкѣ. Отличіе привычныхъ дѣйствій отъ инстинктивныхъ.

При воспитаніи дѣтей не всѣ придаютъ надлежащее значеніе выработкѣ въ нихъ привычекъ и навыковъ. Многіе родители и воспитатели охотнѣе воздѣйствуютъ на обогащеніе ума знаніями и на чувство дѣтей, чѣмъ на выработку въ нихъ нужныхъ привычекъ и навыковъ. Это происходитъ отъ предпочтенія ими болѣе легкой дѣятельности и желанія уклониться отъ сравнительно трудной дѣятельности. Для выработки въ воспитанникахъ хорошихъ привычекъ и навыковъ требуется со стороны родителей или воспитателя и послѣдовательность, и бдительность, и терпѣніе; для сообщенія же знаній питомцу достаточно иногда бываетъ нѣсколькихъ бесѣдъ, чтеній, поучительныхъ разговоровъ и прогулокъ. Между тѣмъ „привычка—вторая наша природа“, говоритъ народная мудрость. Но эта „природа“ не прирождена намъ, а приобрѣтена нами, благодаря повторенію извѣстныхъ впечатлѣній и дѣйствій. Мы приобрѣтаемъ привычки курить табакъ, купаться въ холодной водѣ, рано вставать, приобрѣтаемъ навыкъ къ игрѣ на фортепьяно и т. п. Впечатлѣнія и дѣйствія, требовавшія въ началѣ извѣстнаго напряженія нашего сознанія, совершаются въ концѣ концовъ, въ силу привычки, полусознательно или даже совершенно безсознательно; они становятся вторично-автоматическими актами. Такимъ образомъ, привычнымъ дѣйствіямъ мы учимся, они резуль-

татъ личнаго упражненія, чѣмъ и отличаются отъ прирожденныхъ. Животныя и человѣкъ не рождаются съ готовыми привычками, они создаютъ ихъ въ теченіе жизни организма. Привычка есть непосредственное слѣдованіе опредѣленныхъ дѣйствій или движеній за опредѣленными впечатлѣніями. Последнія на лицо, за ними быстро и въ неизмѣнномъ порядкѣ явятся и первыя. Врожденное и привычное, будучи различнымъ по самой своей природѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ тѣсную связь между собою. По справедливому замѣчанію Моргана, въ огромномъ большинствѣ случаевъ то, что пріобрѣтается, есть видоизмѣненіе того, что унаслѣдовано. Значительное количество привычныхъ дѣйствій и пріобрѣтенныхъ способовъ обращаться съ тѣмъ, что часто встрѣчается въ жизни, проистекаетъ изъ постепеннаго ограниченія того, что первоначально было разнообразнымъ и богатымъ проявленіемъ активности. Если мы станемъ наблюдать за новорожденными щенкомъ и котенкомъ, которые мало по малу и съ нѣкоторымъ трудомъ осваиваются съ окружающею дѣйствительностію, то увидимъ, что они первоначально дѣйствуютъ словно случайно и неопредѣленно. Они стараются достигнуть своей цѣли нѣсколькими различными способами, изъ которыхъ многіе крайне неудобны и безнадежно неудачны. Но мало по малу они убѣждаются, что извѣстныя усилія болѣе цѣлесообразны по своимъ результатамъ, чѣмъ другія. Эти усилія повторяются, и такимъ образомъ, посредствомъ постепенныхъ ограниченій первоначально многочисленныхъ и сравнительно неопредѣленныхъ упражненій, излишнія усилія отбрасываются и исполняются только тѣ дѣйствія, которыя на практикѣ оказались успѣшными. Эти усилія, благодаря повторенію, становятся привычными, и отсюда развивается опредѣленный способъ дѣйствій, относительно котораго мы говоримъ, что животное пріобрѣло хорошо приспособленную привычку. Дѣятельность, являющаяся результатомъ подбора первоначально безсвязныхъ движеній, есть новый продуктъ, и этотъ продуктъ есть результатъ усвоенія, пріобрѣтенія, хотя и совершаемаго на почвѣ

и въ предѣлахъ врожденнаго ¹⁾. Врожденное—это есть основной фондъ, почва, а все приобрѣтенное, въ томъ числѣ и привычное, лишь произрастеніе на этой почвѣ, обусловливаемое ея свойствами.

II.

Значеніе привычекъ въ нашей тѣлесной жизни.

Привычки имѣютъ большое значеніе въ нашей тѣлесной жизни. Посредствомъ ихъ мы приспособляемся къ условіямъ своего органическаго существованія. Извѣстно, напр., что, благодаря привычкѣ, человѣкъ безъ вреда для своего здоровья переноситъ такую температуру, которая была бы невыносима для него безъ такой привычки. Вотъ на берегу устья Оби нѣсколько самоѣдовъ поджидаютъ приближающійся пароходъ. Они босы. Одежда плохо ихъ согрѣваетъ. Осенній холодный вѣтеръ вынудилъ пассажировъ и матросовъ парохода одѣться въ мѣховыя одежды и пимы, самоѣды же, какъ будто, и не замѣчаютъ стужи. Только кто нибудь изъ нихъ приподниметъ то одну, то другую ногу. Очевидно, что привычка даетъ имъ возможность переносить безъ вреда для себя такую стужу, какая причинила бы сильное страданіе лицу, не привыкшему къ холоду. —Перенесемся теперь на югъ Россіи, въ Закавказье. Лѣто. Полдень. Солнце жжетъ нестерпимо. Температура около 45°. Для лица, пріѣхавшаго изъ средней полосы Россіи, такой зной нестерпимъ, между тѣмъ какъ мѣстные жители, благодаря привычкѣ, переносятъ его безъ особаго страданія ²⁾.

¹⁾ Морганъ, Привычка и инстинктъ. Пер. съ англ. Чепинской. Стр. 18—21.

²⁾ Два приведенные примѣра представляютъ не чистыя привычки, приобрѣтенныя только извѣстными личностями за время ихъ личной жизни, но и результатъ долгаго и медленнаго приспособленія организма къ извѣстной средѣ, въ чемъ едва-ли можно отвергать вліяніе естественнаго подбора подходящихъ особей и наследственности.

Можно привыкнуть къ такой пищѣ, которая раньше казалась противной. Европейцы, переѣхавшіе въ Китай, гдѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, кулинарное искусство значительно отличается отъ европейскаго, испытываютъ на первыхъ порахъ лишеніе и даже непріятное чувство, будучи вынуждены питаться непривычной пищей; но затѣмъ они привыкають къ этой пищѣ и находятъ ее такъ же пріятной, какъ и сами китайцы.—Большой дѣвочкѣ докторъ написалъ пить тресковый жиръ. Сначала жиръ вызывалъ въ ней отвращеніе, даже тошноту, но затѣмъ она привыкла къ нему, и пить тресковый жиръ сдѣлалось у нея привычной потребностью; она просила его, даже и тогда, когда, по состоянію ея здоровья, и не было надобности ей пить его ¹⁾).

Человѣкъ можетъ приучить себя принимать пищу въ то или иное время и съ наступленіемъ этого времени чувствовать потребность въ ней; крѣпко спать при шумѣ и стукѣ, просыпаться въ опредѣленный часъ и т. д.

Мы привыкаемъ къ выполненію такого или иного физическаго труда и, въ силу привычки, выполняемъ его ловко и легко. Если, не имѣя соотвѣтственнаго навыка, мы станемъ хотя бы вколачивать гвоздь, онъ у насъ гнется; если

¹⁾ „Часто повторяющееся впечатлѣніе, говоритъ Ушинскій, должно въ самомъ организмѣ нашемъ производить какія-то измѣненія, мало по малу приспособляющія организмъ къ перенесенію того, чего прежде онъ не могъ перенести и что могло даже подѣйствовать на него разрушительно. Такъ мало по малу привыкають люди къ быстрымъ переменамъ температуры, которыя прежде могли бы произвести въ нихъ болѣзнь; такъ были примѣры, что люди привыкали къ приему ядовъ въ такихъ дозахъ, которыя были бы смертельны для человѣка непривычнаго“. (Пед. антроп. ч. I, стр. 126).

„Когда измѣняется, говоритъ П. О. Каптеревъ, внѣшняя обстановка человѣка, его пища, одежда, образъ жизни, орудія защиты и нападенія, тогда неизбежно въ большей или меньшей степени терпятъ измѣненія и весь организмъ. Организмъ нельзя понимать какъ нѣчто совершенно обособленное отъ той среды, въ которой онъ развивается и живетъ; между средой и организмомъ существуютъ тѣсная связь и живое взаимодействіе“. (Энциклоп. Семейн. восп. В. VI. О дѣтской подражательности, стр. 28).

начнемъ стругать, рѣжемъ себѣ руки. Поупражнявшись же въ этой дѣятельности, выполняемъ ее и легко и ловко. Кромѣ того, благодаря постоянному упражненію, физическій трудъ становится для насъ менѣ утомительнымъ, чѣмъ было до приобрѣтенія привычки къ нему. Привычкою же обусловливается быстрота и вѣрность дѣятельности внѣшнихъ чувствъ. Сортировщики матерій, благодаря упражненію, быстро различаютъ самые тонкіе оттѣнки въ цвѣтѣ матерій; охотники, благодаря навыку, особенно быстро и вѣрно улавливаютъ звуки, издаваемые тѣми или другими птицами; почтовый чиновникъ привыкаетъ на рукѣ точно опредѣлять вѣсъ подаваемыхъ ему писемъ, а аптекарь тонко различаетъ запахъ предметовъ. Отъ привычки зависитъ манера ходить, сидѣть, держать себя при такихъ или иныхъ обстоятельствахъ. Красивыя или некрасивыя манеры человѣка есть плодъ привычки.

Образовавшіяся привычки оказываютъ, смотря по ихъ характеру, благотворное или вредное вліяніе на здоровье человѣка. Такъ, напр., привычка къ правильному образу жизни, привычка къ умеренности въ пищѣ и питьѣ, привычка къ правильному чередованію труда и отдыха, оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье; противоположныя же привычки оказываютъ и противоположное дѣйствіе.

III.

Значеніе привычекъ въ нашей душевной жизни.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ привычки и въ нашей душевной жизни и дѣятельности. Укажемъ значеніе ихъ въ умственной нашей дѣятельности, въ дѣятельности нашихъ чувствованій и воли.

Успѣшность умственной дѣятельности въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ способности къ усидчивому умственному труду. Способность же эта зависитъ отъ привычки къ нему. Человѣкъ, не привыкшій къ умственному труду, не въ

состояніи столько умственно работать, сколько въ состояніи тотъ, кто привыкъ къ нему. Кому приходилось обучать грамотѣ взрослыхъ, тотъ знаетъ, что послѣдніе такъ же скоро утомляются отъ умственного труда, какъ и восьмилѣтніе ученики. Только благодаря привычкѣ, человѣкъ становится способнымъ къ болѣе продолжительному умственному напряженію, а равно къ внимательности и вдумчивости. Существенный признакъ умственного развитія человѣка состоитъ въ умѣннн быстро и вѣрно производить умственные процессы: составлять сужденія, дѣлать общіе выводы изъ частныхъ сужденій, примѣнять общія сужденія къ частнымъ фактамъ и т. п. Умѣнье же это дается упражненіемъ, ведущимъ къ установленію соотвѣтственныхъ умственныхъ навыковъ. Преобладаніе той или другой формы мышленія при умственной дѣятельности, кромѣ другихъ причинъ, отчасти зависитъ и отъ навыка къ этой формѣ мышленія. Такъ, одни лица при умственной дѣятельности, въ силу привычки, предпочитаютъ исходить изъ частныхъ случаевъ и переходить къ общимъ выводамъ; другія же, наоборотъ, предпочитаютъ исходить изъ общихъ положеній и переходить къ частнымъ случаямъ. Лица съ развитою умственною дѣятельностью, прежде чѣмъ излагать свои мысли устно или письменно, планируютъ ихъ. Умѣнье же планировать свои мысли обусловливается въ значительной мѣрѣ привычкою къ этой дѣятельности. Образовавшіеся умственные навыки весьма много облегчаютъ дальнѣйшую умственную дѣятельность. Такъ, ученикъ, приобрѣвшій навыкъ къ бѣглому счету въ предѣлахъ первой сотни, пользуется этимъ навыкомъ при рѣшеніи болѣе сложныхъ ариѳметическихъ задачъ. Онъ при рѣшеніи задачи слѣдитъ за ходомъ рѣшенія ея и не принужденъ останавливать свое вниманіе на вычисленіи, сколько, напр., получится отъ умноженія 7 на 9 или отъ сложенія 8 съ 10. Въ силу навыка, рука пишетъ нужныя слова, не требуя замѣтнаго участія вниманія. Приобрѣвши навыкъ къ орографически-правильному письму, ученикъ пишетъ орографически-правильно, не припоминая

соотвѣтственныхъ грамматическихъ правилъ. Не имѣя же такого навыка, онъ дѣлаетъ орфографическія ошибки, хотя бы и зналъ хорошо грамматику. Не возможно въ одно и тоже время слѣдить за ходомъ излагаемыхъ мыслей и соображать, слѣдуетъ ли написать въ томъ или другомъ словѣ букву *e* или *ъ*. Очевидно, что, не выработавши въ себѣ означенныхъ навыковъ, человѣкъ въ высшей степени былъ бы затрудненъ въ своей умственной дѣятельности. Онъ не могъ бы ни рѣшать быстро ариѳметическихъ задачъ, ни пользоваться чтеніемъ для обогащенія себя знаніями, ни излагать письменно свои мысли. Выработанные навыки являются силой, помогающей намъ успѣшно производить умственную дѣятельность и совершенствоваться въ ней.

При изученіи какого-нибудь искусства, напр., живописи, музыки, выработка соотвѣтственныхъ навыковъ тоже имѣетъ огромное значеніе.

Привычки оказываютъ вліяніе и на чувствованія человѣка. Все, что не согласуется съ нашими привычками, вызываетъ въ насъ большею частью непріятное чувствованіе. Лишите ребенка лакомства, къ которому вы его приучили, и онъ будетъ испытывать непріятное чувство лишенія, будетъ огорченъ. Кто привыкъ курить табакъ или пить вино, для того является страданіемъ неудовлетвореніе этой привычкѣ. Заставьте лицо, привыкшее къ умственному труду, выполнять только чисто физическій трудъ, и оно будетъ чувствовать себя крайне неудовлетвореннымъ. Съ другой стороны, заставьте лицо, привыкшее только къ физическому труду, исполнять обязанность, требующую преимущественно умственной дѣятельности, и оно будетъ чувствовать себя тоже неудовлетвореннымъ. Человѣкъ привыкаетъ къ людямъ, съ которыми долго жилъ, и разлука съ ними для него тяжела; онъ привыкаетъ къ мѣсту, гдѣ долго жилъ, и перемѣна мѣстожителства нерѣдко вызываетъ въ немъ чувство грусти, сожалѣнія. Иногда можно видѣть, что люди испытываютъ чувство грусти, сожалѣнія, перебираясь изъ бѣдной квартирки, въ которой долго жили и трудились, въ богатая

каменные палаты. Патриотическое чувство имѣеть въ основѣ своей привычку къ родинѣ и соотечественникамъ. Привыкши съ дѣтства къ мѣстности, гдѣ постоянно жили, къ людямъ, среди которыхъ жили, привыкши къ родному языку и роднымъ обычаямъ, мы чувствуемъ привязанность къ нимъ и, переѣхавши въ чужую страну, гдѣ и мѣстность, и люди, и языкъ, и нравы не такіе, къ какимъ мы привыкли, мы скучаемъ по родинѣ.

Чувствованія, часто повторявшіяся въ человѣкѣ, становятся привычными и легко возникаютъ въ немъ. Если въ индивидуумѣ обстоятельствами жизни часто возбуждаемо было чувство гнѣва, то онъ и становится особенно склоннымъ къ проявленію этого чувства; если же въ немъ, наоборотъ, были возбуждаемы преимущественно чувства любви, доброжелательства, то онъ и становится болѣе склоннымъ къ проявленію этихъ добрыхъ чувствованій. Вотъ почему, желая воспитать въ питомцѣ религіозное чувство, стараются почаще возбуждать въ немъ это чувство; желая воспитать въ немъ нравственныя чувства, стараются почаще возбуждать въ немъ сочувствіе къ добру, правдѣ и ко всему нравственному.

Повторяемость однородныхъ чувствованій ведетъ не только къ выработкѣ въ человѣкѣ наклонности къ этого рода чувствованіямъ, но также и къ выработкѣ въ немъ соотвѣтственнаго душевнаго настроенія. Если въ дѣтскіе годы человѣка постоянно возбуждаемо было въ немъ преимущественно грустное, мрачное настроеніе духа, то такое настроеніе сдѣлается преобладающимъ и въ послѣдующіе годы его жизни; если же, напротивъ, въ немъ постоянно возбуждаемо было веселое, благодушное настроеніе, то такое настроеніе сдѣлается господствующимъ и въ послѣдующіе годы его жизни.

Наибольшее вліяніе оказываютъ привычки на наши желанія, на нашу дѣятельность, и наше поведеніе.

Для удовлетворенія такой или иной потребности мы ищемъ тѣхъ средствъ, которыми привыкли удовлетворять

своей потребности. Голодный готовить себѣ то кушанье, которое служило уже къ утоленію его голода. Чувствующій потребность въ дѣятельности принимается за то занятіе, въ которомъ находилъ уже удовлетвореніе потребности въ дѣятельности. При выборѣ человѣкомъ того или иного образа дѣйствій, значительную роль играетъ образовавшаяся въ немъ привычка. Мы охотно отдаемъ той дѣятельности, съ которой нѣсколько свыклись, такъ какъ эта дѣятельность требуетъ отъ насъ меньше напряженія, чѣмъ какая-нибудь другая. Благодаря привычкѣ, въ насъ вырабатывается наклонность къ извѣстному образу дѣйствій.

Наше повседневное поведеніе обусловливается главнымъ образомъ нашими привычками. „Три четверти того, что ежедневно человѣкъ дѣлаетъ, говоритъ и даже думаетъ, обусловливается, по мнѣнію Лейбница, привычками“. Мы привыкаемъ къ такому или иному обращенію съ членами своей семьи и такое же обращеніе переносимъ и на постороннихъ лицъ. Кто привыкъ къ вѣжливому, деликатному, мягкому обращенію съ членами своей семьи, тотъ переноситъ такое же обращеніе и на постороннихъ лицъ, и наоборотъ.

Сознаніе неблаговидности тѣхъ или другихъ привычекъ не освобождаетъ насъ отъ нихъ. Нерѣдко самознаніе наше, приспособляясь къ образовавшимся въ насъ привычкамъ, оправдываетъ ихъ. Привыкшій курить табакъ или пить вино всегда найдетъ оправданіе образовавшейся въ немъ привычкѣ, и трудно убѣдить его во вредѣ этой привычки. Если же сознаніе и не оправдываетъ образовавшейся привычки и даже вызываетъ желаніе удержаться отъ привычнаго дѣйствія, все таки въ концѣ концовъ привычка подскажетъ такую мысль, которая въ большей или меньшей мѣрѣ облегчитъ совершеніе привычнаго дѣйствія. Одинъ рабочій, ежедневно отправляясь на работу на фабрику, заходилъ въ трактиръ выпить и позавтракать. Убѣдившись, что убыточно заходить завтракать въ трактиръ, тѣмъ болѣе, что дома, въ семьѣ, всегда можно позавтракать и лучше, и дешевле, онъ рѣшился отстать отъ своей невыгодной привычки. Въ пер-

вое утро онъ забылъ про обѣщаніе и вспомнилъ о немъ лишь послѣ того, какъ выпилъ и сталъ закусывать. На другой день онъ рѣшился, идя на работу, повторять про себя: „не заходи въ трактиръ“. Проходя мимо трактира, онъ по привычкѣ остановился, но затѣмъ повторяя фразу: „не заходи въ трактиръ“, двинулся впередъ. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, онъ самодовольно сказалъ себѣ: „Вотъ хорошо, Фрицъ, что сегодня не зашелъ въ трактиръ, за это въ награду вернись и выпей“... „Человѣкъ дѣлаетъ въ силу привычки, говоритъ Бэконъ, то-же, что дѣлалъ и прежде, какъ будто онъ автоматъ или машина, заведенная привычкой. Ни увѣренія, ни даже формальныя обязательства не освобождаютъ его отъ власти привычки“.

Борьба съ вредной привычкой нерѣдко причиняетъ человеку огромныя душевныя страданія. Онъ глубоко ненавидитъ свою вредную привычку, терзаетъ себя за то, что сдѣлался рабомъ ея, и все-таки, если подойдетъ случай, онъ поступитъ согласно своей привычкѣ. Душевныя мученія, испытываемыя вслѣдъ за совершеніемъ привычнаго дѣйствія, мало уменьшаютъ вѣроятность повторенія того-же дѣйствія. Поэтому въ дѣйствительной жизни люди скорѣе полагаются на привычки человека, чѣмъ на его слова, не имѣющія поддержки въ привычкѣ. „Въ дѣлѣ исполненія, говоритъ Макиавель, мало довѣряютъ обѣщанію человека, если оно не закрѣплено и, такъ сказать, не освящено привычкой“.

Даже въ развлеченіяхъ, къ которымъ люди прибѣгаютъ въ часы досуга, замѣчается вліяніе привычки. Въ свободное отъ обычныхъ занятій время, чтобы избавиться отъ скуки, одни лица, сообразно образовавшейся привычкѣ, принимаютъ за музыкальный инструментъ, другія—за карты, третьи—за книгу, четвертые—уходятъ гулять въ лѣсъ или поле. Даже ребенокъ, если захочетъ играть, то принимается за ту игру, въ которую онъ привыкъ играть.

Изъ всего сказаннаго видно, какое огромное значеніе имѣютъ привычки въ жизни и дѣятельности человека. Смотря по своему характеру, привычки или поднимаютъ чело-

вѣка, способствуютъ его физическому и душевному благосостоянію, или же подавляютъ его, причиняютъ ему много зла. Привычки дѣлаютъ человѣка или счастливымъ, или несчастнымъ. Шекспиръ, глубоко постигшій человѣческую природу, совершенно вѣрно назвалъ добрыя привычки „ангеломъ-хранителемъ“, направляющимъ человѣка на путь добра и удерживающимъ его отъ зла, дурныя же привычки—„чудовищемъ“, увлекающимъ его, помимо его воли, къ злу и нравственному паденію.

IV.

Польза и вредъ привычекъ и ихъ значеніе въ ряду другихъ воспитательныхъ средствъ.

Все выше сказанное ясно указываетъ, какое огромное значеніе имѣютъ привычки и навыки для человѣка. Отсюда же становится очевидна необходимость заботиться о правильномъ образованіи въ питомцѣ привычекъ, т. е. о выработкѣ въ немъ добрыхъ привычекъ и о предупрежденіи дурныхъ. Но, не смотря на такую очевидность, нѣкоторые, опираясь на мнѣніе Ж.-Ж. Руссо, полагаютъ, что нѣтъ никакой надобности укоренять въ питомцѣ какія-нибудь привычки, что, напротивъ, нужно, чтобы онъ былъ свободенъ отъ всякихъ привычекъ, и тогда выработанное въ немъ благоразуміе будетъ лучшимъ его руководителемъ. „Единственная привычка, которую надо развить въ ребенкѣ, есть отсутствіе всякихъ привычекъ“, говорилъ Руссо. „Не носите его на одной рукѣ чаще, чѣмъ на другой, не приучайте его подавать одну какую-нибудь руку, или чаще употреблять ее въ дѣло, не приучайте его ѣсть, спать и двигаться въ одни и тѣ же часы, не умѣть переносить одиночества ни днемъ, ни ночью. Исподволь подготовляйте его къ свободѣ и къ пользованію всѣми силами, приучая его владѣть собою и во всемъ исполнять свою волю, какъ скоро она у него явится“. (Эмилъ, книга 1-я).

Съ такимъ мнѣніемъ согласиться трудно, привычка оказываетъ человѣку существенную помощь во многихъ отношеніяхъ, какъ это было отмѣчено. Вообще привычка уменьшаетъ количество силы, расходуемой на дѣятельность: работа, совершаемая впервые, все равно физическая или умственная, требуетъ значительной затраты силы; сдѣлавшись же привычной, эта работа совершается легко, незамѣтно, не утомляетъ. Привычка сокращаетъ время, нужное для дѣятельности: въ первый разъ дѣйствіе совершается медленно, а привычное совершается быстро. Привычка дѣлаетъ самую работу болѣе точной и аккуратной: первые опыты и шаги бывають обыкновенно неувѣренными, неправильными, колеблющимися, все же привычное совершается вполне отчетливо, безъ колебаній и уклоненій въ сторону, машинообразно.

Конечно, привычка, развившаяся чрезвычайно широко, взаимнѣ высшихъ способностей ума и воли, механизуетъ человѣка, лишаетъ его сознательности, превращая изъ разумаго существа въ машину, но, надлежащимъ образомъ поставленная, она не только не препятствуетъ, но даже способствуетъ развитію сознательности и разумности въ человѣкѣ. Область человѣческаго сознанія безгранична. Чтобы ее расширять, чтобы обнимать своимъ умомъ новые и новые горизонты, необходимо старое, извѣстное превращать во вторично-автоматическіе акты. Если для различенія буквъ и ихъ сочетанія, нужно постоянно затрачивать вниманіе и умъ, то ихъ не хватаетъ на пониманіе и обсужденіе читаемаго. Если нужны усилія ума, чтобы сообразить, сколько будетъ 6×8 , или что такое Пифагорова теорема, то высшія области счисленія и геометріи будутъ недоступны. Только превращая во вторично-автоматическіе, какъ бы сами собой совершающіеся, акты элементарныя научныя соображенія, мы можемъ достигать высшихъ сферъ науки. Точно то же самое нужно сказать и про нравственное, эстетическое и всякое иное развитіе: механизация элементовъ, т. е. превращеніе нѣкогда совершенно разумныхъ и вполне сознатель-

ныхъ душевныхъ явленій въ привычныя, т. е. во вторично-автоматическія дѣйствія, совершающіяся помимо сознанія или съ весьма малой долей сознанія, есть основа для высшихъ проявленій ума, нравственности и эстетичности. Развиваться, дѣлать новые шаги въ своемъ самоусовершенствованіи человѣкъ можетъ только постепеннымъ превращеніемъ низшихъ ступеней всей духовной дѣятельности въ привычки, причемъ на послѣднія, какъ на вторично-автоматическія дѣйствія, легко можетъ быть направлено, въ случаѣ нужды, критическое вниманіе, привычный процессъ можетъ пересматриваться и снова обсуждаться, вслѣдствіе чего отдѣльныя его звенья могутъ спаяваться еще тверже и ближе, какъ согласныя съ разумомъ, или же связь ихъ, въ большей или меньшей степени, ослабѣвать и разрушаться, какъ противорѣчащая логическимъ, нравственнымъ и инымъ убѣжденіямъ.

Если своевременно не заложить въ питомцѣ хорошихъ привычекъ и навыковъ, въ немъ неминуемо выработаются дурныя привычки и навыки, сообразно которымъ онъ и будетъ поступать. Самое мышленіе, какъ выше уже было сказано, обыкновенно приноравливается къ выработаннымъ дурнымъ привычкамъ и оправдываетъ ихъ. Если бы даже оно и не оправдывало образовавшейся дурной привычки, все-таки человѣку трудно было бы побороть ее, и онъ испытывалъ бы страданіе отъ несогласія своего желанія съ своими дѣйствіями, являющимися результатомъ образовавшейся въ немъ привычки.

Человѣкъ — существо общественное, каждому приходится жить и дѣйствовать въ обществѣ. Очевидно, что каждый еще въ юные годы долженъ пріобрѣсти умѣнье (привычку) держать себя въ обществѣ другихъ людей, долженъ пріобрѣсти такія манеры, которыя, съ одной стороны, не унижали бы его, а съ другой — не оскорбляли бы ни эстетическаго, ни нравственнаго чувства другихъ людей, не стѣсняли бы ихъ. Манеры человѣка служатъ обыкновенно выраженіемъ или скромности, нравственной чистоты, мягкости

и доброты сердца, или же грубости, заносчивости и черствости. Насколько первыя привлекательны, настолько вторыя отталкиваютъ cadaго. Если необходимо заботиться о воспитаніи нравственнаго и эстетическаго чувства питомца, то необходимо также заботиться и о правильномъ выраженіи этихъ добрыхъ чувствованій во внѣ—въ поступкахъ, и, между прочимъ, въ соотвѣтственныхъ манерахъ. Манеры питомца должны быть просты, приличны и служить выраженіемъ добрыхъ внутреннихъ его качествъ. Такъ называемое манерничаніе и театральность, равно какъ и грубость въ манерахъ никоимъ образомъ не должны быть допускаемы при воспитаніи питомца.

Привычки начинаютъ образовываться въ человѣкѣ съ дѣтства. Слѣдовательно съ дѣтскихъ лѣтъ и нужно обратить вниманіе на правильное образованіе ихъ. Значительная часть воспитательнаго вліянія на дѣтей сводится къ выработкѣ въ нихъ добрыхъ привычекъ и къ предупрежденію образованія дурныхъ. Ребенокъ еще не въ состояніи понять, почему одно слѣдуетъ дѣлать, а другое не слѣдуетъ, почему нужно поступать такъ, а не иначе; между тѣмъ онъ приучается поступать такъ или иначе, сообразно требованію взрослыхъ. Залагаемая такимъ образомъ въ немъ добрыя привычки мало-по-малу, съ развитіемъ его, освѣщаются и укрѣпляются требованіемъ сознанія и чувства, вслѣдствіе чего и вырабатывается въ немъ нравственное требованіе, убѣжденіе. Добро, къ которому человѣкъ приучился съ малолѣтства, дѣлается, съ раскрытіемъ разумѣнія, нравственною потребностью его. „Если на самомъ порогѣ жизни, говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—начнемъ направлять и приучать дѣтскую душу къ добру, то добро сдѣлается внутреннимъ качествомъ души и какъ бы второю природою ея“.

Само собою разумѣется, что привычки, вырабатываемыя въ ребенкѣ, должны соотвѣтствовать его возрасту, степени его развитія и дѣйствительнымъ потребностямъ. Съ физическимъ и душевнымъ развитіемъ питомца расширяются и его привычки. Собственно говоря, человѣкъ постоянно, съ

дѣтства до старости, вырабатываетъ въ себѣ такія или иныя привычки, обусловливаемая его жизнью и дѣятельностью.

Было бы неосновательно полагать, что воспитаніе должно ограничиваться только выработкой добрыхъ привычекъ и предупрежденіемъ образованія дурныхъ. Образованіе привычекъ составляетъ не единственное, а лишь одно изъ воспитательныхъ средствъ и должно идти въ связи съ примѣненіемъ другихъ воспитательныхъ воздѣйствій, направленныхъ къ развитію ума, облагораженію чувства, воспитанію воли, возбужденію стремленія къ самоусовершенствованію. Если при воспитаніи питомца ограничиться только выработкой въ немъ нужныхъ привычекъ и навыковъ, не возбуждая и не развивая въ немъ высшихъ сторонъ человѣческой природы, то изъ него выйдетъ сухой, узкій формалистъ, чуждый стремленія къ проявленію добра и къ духовному самоусовершенствованію. Но, съ другой стороны, если при воспитаніи питомца ограничиться возбужденіемъ въ немъ лучшихъ мыслей, чувствованій и стремленій, не вырабатывая въ немъ въ то же время нужныхъ привычекъ и навыковъ, дающихъ возможность осуществлять высшіе идеалы и стремленія, то изъ него выйдетъ человѣкъ съ хорошими желаніями и чувствованіями, но не способный проявлять эти желанія и чувствованія на дѣлѣ. Онъ постоянно будетъ сознать разладъ между своимъ желаніемъ и образомъ дѣйствій, и это будетъ причинять ему душевную муку; онъ на каждомъ шагѣ будетъ сознать свое безсиліе, и это поселитъ въ немъ недовольство и собой, и окружающею дѣйствительностью. Такимъ образомъ, заботясь объ образованіи въ питомцѣ хорошихъ привычекъ, нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, тщательно воспитывать въ немъ и высшія стороны духовной его природы, дабы онъ и чувствовалъ потребность къ проявленію добра, и стремился къ проявленію его въ дѣйствительности.

Хотя выработка привычекъ въ питомцѣ должна идти въ связи съ развитіемъ его ума и воспитаніемъ его чувства и

воли, однако, въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ было уже сказано, образованіе ихъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ воспитанія. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ питомца послѣдовательно расширяется его умственный кругозоръ и облагораживаются его чувства и воля, при чемъ какъ раньше образовавшіеся, такъ и вновь образуемые въ немъ привычки и навыки окажутъ огромную пользу.

Въ роли слугъ, помощниковъ, привычки должны оставаться и въ зрѣломъ возрастѣ человѣка, дабы онъ сохранялъ свою духовную самостоятельность. Привычки не должны подавлять самодѣятельность лица, направленную къ самоусовершенствованію. Духъ человѣческій въ своихъ высшихъ стремленіяхъ не долженъ чувствовать себя подавленнымъ привычками. Необходимо обладать нужными привычками, но не быть рабомъ ихъ. Не привычки должны направлять дѣятельность зрѣлаго человѣка, а онъ долженъ самодѣятельно пользоваться ими для своихъ высшихъ цѣлей. Крайне нежелательно видѣть возмужалаго человѣка, опустившагося въ свои привычки, какъ въ мягкое, покойное кресло, и отдавашагося умственной дремотѣ. Умственный и нравственный застой—удѣлъ такого человѣка.

V.

Образованіе привычекъ.

Какъ образуются въ человѣкѣ привычки? Какія условія благоприятствуютъ и какія не благоприятствуютъ образованію ихъ?

Привычки образуются тремя путями: внѣшнимъ вліяніемъ на человѣка, подражаніемъ и собственной разумною энергіею.

Первымъ путемъ возникаютъ привычки въ раннемъ дѣтствѣ. Пока ребенокъ по своему умственному развитію не въ состояніи понимать, почему однѣ привычки хороши, а другія дурны, почему слѣдуетъ поступать такъ, а не иначе,

было бы неосновательно рассчитывать на его разумѣніе и волю въ дѣлѣ выработки въ немъ нужныхъ привычекъ. Требованіе родителей или воспитателя замѣняетъ для него недостатокъ разумѣнія. Мать, ясно сознавая, какія привычки слѣдуетъ выработать въ ребенкѣ и отъ какихъ привычекъ нужно уберечь его, привлекаетъ его къ совершенію однихъ дѣйствій и тщательно предупреждаетъ совершеніе имъ другихъ. Такимъ путемъ мать приучаетъ дитя къ чистотѣ и опрятности, къ искусству одѣваться, брать извѣстнымъ образомъ извѣстныя вещи, совершать разнообразныя движенія. Когда дитя нѣсколько подрастетъ, оно увидитъ себя уже владѣющимъ множествомъ привычекъ.

Было бы несправедливо думать, что путемъ внѣшняго вліянія привычки создаются лишь въ дѣтствѣ; и у взрослыхъ, случается, тѣмъ же способомъ образуются привычки.

Для поясненія приведемъ слѣдующій, часто встрѣчающійся во французскихъ хрестоматіяхъ, отрывокъ изъ признаній Бюффона: „Пришедши къ мысли, — говоритъ онъ, — что слѣдуетъ выработать въ себѣ привычку рано вставать, я приказалъ своему слугѣ будить меня въ шесть часовъ утра. Слуга точно исполнялъ данное ему приказаніе. Въ первое утро, когда онъ разбудилъ меня, я въ гнѣвѣ сталъ бранить его и, приказавши ему, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ, снова уснулъ. Вставши, я приказалъ слугѣ, чтобы онъ впредь не обращалъ вниманія на мою брань и, разбудивши, стянулъ съ меня одѣяло и не отставалъ отъ меня до тѣхъ поръ, пока я не поднимусь съ постели. На слѣдующее утро слуга исполнилъ мое приказаніе. Не обращая вниманія на мои брань, угрозы и даже просьбы, онъ, стянувши съ меня одѣяло, не оставлялъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не поднялся съ постели. Сначала я былъ недоволенъ и раздраженъ, но затѣмъ поблагодарилъ слугу за то, что онъ принудилъ меня встать, и приказалъ ему и впредь такъ поступать. На третій день мнѣ тоже трудно было подняться, но все-таки я поднялся. На четвертый день слугѣ потребовалось уже меньше труда, чтобы заставить

меня встать. Слуга продолжалъ меня будить, и всякій разъ мнѣ легче и легче становилось подниматься съ постели. Спустя нѣсколько времени, я уже самъ сталъ просыпаться и подниматься съ постели. У меня выработалась привычка вставать въ шесть часовъ утра и этой привычкѣ я обязанъ нѣсколькими томами моихъ сочиненій“.

Второй способъ образованія привычекъ — подражательность. Мы много и невольно подражаемъ, хотимъ-ли мы этого или не хотимъ; дѣти же очень часто хотятъ подражать, взрослые представляются имъ такими прекрасными образцами, что было бы грѣшно не воспроизвести ихъ въ собственной дѣятельности. Такимъ путемъ у дѣтей возникаютъ многія привычки. Напримѣръ, какъ образуется въ воспитанникѣ привычка курить табакъ? Сначала онъ закуриваетъ папиросу по подражанію взрослымъ. Для него заманчиво дѣлать то, что дѣлаютъ взрослые. Табачный дымъ производитъ на него непріятное впечатлѣніе, вызываетъ даже головокруженіе. Но желаніе казаться взрослымъ и не отстать отъ другихъ курильшиковъ побуждаетъ его и въ другой разъ закурить папиросу, затѣмъ—въ третій, четвертый и т. д. Съ каждымъ разомъ непріятное впечатлѣніе, производимое на него табачнымъ дымомъ, становится все слабѣе и слабѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырабатывается въ немъ привычка курить. Онъ закуриваетъ папиросу уже не столько изъ желанія подражать взрослымъ сколько по требованію образовавшейся въ немъ привычки. По мѣрѣ того, какъ онъ удовлетворяетъ этой своей привычкѣ, она усиливается и становится наконецъ настолько сильной, что неудовлетвореніе ей вызываетъ уже въ немъ непріятное чувство лишенія.

Конечно, многія привычки приобрѣтаются дѣтьми столько же путемъ подражанія взрослымъ, сколько и другимъ дѣтямъ, а иногда послѣднимъ болѣе, чѣмъ первымъ.

Особенно сильно проявляется подражательность въ періодъ развитія душевныхъ силъ человѣка, именно въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастахъ. Пи-

томецъ подражаетъ тому, что производитъ на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе и чему онъ въ состояніи подражать. Окружающія питомца лица своими дѣйствіями служатъ образцомъ, которому онъ подражаетъ. Повтореніе подражательнаго дѣйствія и ведетъ къ выработкѣ соотвѣтственной привычки. По подражанію ребенокъ научается такой рѣчи, какою говорятъ окружающіе. Даже тонъ рѣчи окружающихъ усваивается ребенкомъ. Привычныя присловія или поговорки отца или матери становятся привычными же и у ребенка. Питомецъ пріучается къ такому обращенію съ другими лицами, какое онъ замѣчаетъ въ окружающихъ его лицахъ. Если окружающія его лица со всѣми вѣжливы, услужливы, предупредительны, то и питомецъ становится вѣжливымъ, услужливымъ и предупредительнымъ. Если же, наоборотъ, окружающія его лица грубы, дерзки, постоянно употребляютъ бранныя слова, то и питомецъ становится грубымъ, дерзкимъ и пріучается къ употребленію бранныхъ словъ. Всѣмъ извѣстно, какое сильное вліяніе оказываютъ среда и товарищество на человѣка, и это вліяніе основывается на подражаніи и выработкѣ соотвѣтственныхъ привычекъ.

Третій путь возникновенія привычекъ—собственныя на мѣренныя усилія человѣка. Признавъ нужнымъ создать извѣстный образъ постоянной дѣятельности, подчинить себя опредѣленному порядку жизни, человѣкъ дѣлаетъ сознательныя усилія для достиженія поставленной цѣли. Онъ повторяетъ въ неизмѣнномъ порядкѣ движенія, предупреждаетъ всѣ отклоненія, иногда борется самъ съ собою, чтобы установить твердую систему дѣйствій и послѣдовательность движеній. Этотъ послѣдній рядъ привычекъ предполагаетъ усилія со стороны человѣка, проявленіе энергіи и настойчивости и даже иногда борьбу съ самимъ собой. Въ отличіе отъ привычекъ первыхъ двухъ категорій, болѣе пассивнаго характера, привычки, возникающія путемъ примѣненія собственной разумной энергіи, можно было бы называть навыками. Навыки, какъ заключающіе въ себѣ плоды

сознательныхъ и разумныхъ усилій челоѣка, наиболѣе полезны челоѣку, менѣе механичны, чѣмъ привычки, легче подлежатъ критикѣ и пересмотру, скорѣе могутъ быть оставлены. По природѣ, впрочемъ, они одинаковы съ привычками.

Какъ у начинающаго учиться играть на рояли вырабатывается навыкъ производить нужныя при игрѣ движенія пальцевъ? Въ началѣ обученія отъ учащагося требуется полное вниманіе и значительное усиліе воли, чтобы заставить пальцы производить нужныя движенія. Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ упражняется въ выполненіи этихъ движеній, ему становится все легче и легче производить ихъ и наконецъ въ немъ вырабатывается привычка къ игрѣ, при чемъ пальцы выполняютъ нужныя при игрѣ движенія, не требуя напряженія его вниманія и воли.

Если питомецъ въ состояніи уже понять значеніе того или другого навыка, слѣдуетъ пользоваться его сознаниемъ и чувствомъ для выработки въ немъ нужныхъ навыковъ. Уразумѣвъ пользу того или другого навыка, воспитанникъ самъ постарается совершать дѣйствіе, ведущее къ образованію этого навыка. Само собою разумѣется, что одно сознаніе воспитанника еще не обезпечиваетъ выработки въ немъ нужнаго навыка; оно является лишь однимъ изъ условій, способствующихъ къ выработкѣ его. Кромѣ этого условія, нужно обставить питомца еще и другими условіями, ведущими къ выработкѣ въ немъ нужнаго навыка.

Что касается такъ называемыхъ *учебныхъ* навыковъ, то въ образованіи ихъ во всякомъ случаѣ должно принимать участіе сознаніе питомца. Чисто механическаго обученія не должно быть. Обучаетъ ли учитель дѣтей грамотѣ, онъ разлагаетъ съ ними слова на звуки и затѣмъ приучаетъ ихъ сочетать эти звуки въ слова. И дѣти сознательно приучаются къ механизму чтенія. Знакомитъ ли учитель учениковъ съ суммой или произведеніемъ данныхъ чиселъ, онъ привлекаетъ ихъ къ произведенію сложенія или умноженія данныхъ чиселъ, и они, произведши требуемое дѣйствіе, сознательно

усваиваютъ полученную сумму или произведеніе. Приучаетъ ли учитель дѣтей къ написанію той или другой буквы, онъ предварительно разъясняетъ имъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ эта буква, какъ эти элементы соединяются для образованія буквы и т. д.

Навыки, вырабатываемые въ питомцахъ при обученіи ихъ, бываютъ простые и сложные. Первые состоятъ изъ одного или двухъ движеній, напр., писаніе элементовъ буквъ; вторые же состоятъ изъ совокупности нѣсколькихъ движеній, напр., писаніе словъ. Для большей успѣшности въ выработкѣ навыка къ сложнымъ движеніямъ, цѣлесообразно разлагать ихъ на нѣсколько приемовъ и такимъ образомъ по частямъ подводить питомцевъ къ усвоенію нужнаго сложнаго навыка. Такъ, напр., для выработки въ питомцахъ навыка къ каллиграфическому письму, учитель сначала упражняетъ ихъ въ письмѣ элементовъ буквъ, потомъ приучаетъ ихъ сочетать эти элементы для образованія буквъ и затѣмъ уже упражняетъ ихъ въ письмѣ сочетаній буквъ, т. е. словъ.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ способовъ образованія привычекъ слѣдуетъ, что для образованія ихъ необходимы два основныя условія: достаточно сильное побужденіе къ совершенію дѣйствія и его однообразное повтореніе. Образуется ли привычка путемъ внѣшняго воздѣйствія или подражанія или приложенія собственной энергіи человѣка, всегда должно быть побужденіе къ установленію привычки, тотъ толчекъ, тотъ двигатель, который даетъ начало всему дѣлу. Въ привычкахъ, создаваемыхъ внѣшнимъ возбужденіемъ, такимъ двигателемъ является преимущественно убѣжденіе вляющаго лица; въ привычкахъ по подражанію—заразительность дѣйствія и удовольствіе отъ подражанія; въ привычкахъ третьей категоріи (навыкахъ)—собственное убѣжденіе. Поэтому, желая приучить питомца къ тому или иному дѣйствию, нужно привлекать его къ совершенію этого дѣйствія, создавая или открывая достаточно сильное побужденіе къ нему. Сначала трудно бываетъ совершать требуемое дѣйствіе, побужденіе къ совершенію дѣйствія борется съ противоположными по-

бужденіями. Напримѣръ, стремленіе содержать себя въ чистотѣ можетъ ослабляться лѣнностію, неизбѣжностію тѣхъ хлопотъ и даже трудовъ, которые нужны въ этомъ случаѣ; но затѣмъ, по мѣрѣ повторенія, дѣйствіе совершается все легче и легче, въ воспитываемомъ вырабатывается привычка къ этому дѣйствію.

Повтореніе одного и того же дѣйствія въ неизмѣнномъ порядкѣ ведетъ къ выработкѣ привычки, а уклоненіе отъ того дѣйствія, которое желательно сдѣлать привычнымъ, задерживаетъ выработку привычки. Вотъ почему, для созданія въ питомцѣ той или другой привычки, мать или воспитатель должны быть настойчивы въ требованіяхъ, предъявляемыхъ ему. Если мать желаетъ приучить своего ребенка, напр., держать свои вещи въ порядкѣ, она постоянно должна требовать отъ него такого держанія ихъ. Конечно, пока не выработается въ немъ нужная привычка, онъ постоянно будетъ подвергаться искушенію не приводить свои вещи въ порядокъ: то желаніе скорѣе отправиться куда-нибудь, то лѣнь, то утомленіе, то надежда, что кто-нибудь приведетъ его вещи въ порядокъ, то другое какое-нибудь обстоятельство вступитъ въ немъ въ борьбу съ необходимостію привести свои вещи въ порядокъ. Но если мать неуклонно требуетъ отъ него содержанія своихъ вещей въ порядкѣ, то искушеніе не исполнить требуемое постепенно ослабѣваетъ, и наконецъ въ немъ вырабатывается желательная привычка, отступленіе отъ которой уже для него самого непріятно. Желая выработать въ питомцѣ навыкъ писать орфографически-правильно, необходимо требовать, чтобы онъ всѣ свои письменныя работы исполнялъ весьма тщательно. Если онъ однѣ письменныя работы исполняетъ правильно, другія же—какъ придется, большею частью съ массой ошибокъ, онъ не научится писать орфографически-правильно. Вотъ почему не только учитель русскаго языка, но и учителя другихъ учебныхъ предметовъ, по которымъ ведутся письменныя работы, обязаны требовать, чтобы ученики съ должною внимательностію относились не только

къ содержанію письменныхъ работъ, но и къ внѣшней сторонѣ ихъ и, между прочимъ, къ орфографической правильности ихъ.

Такъ какъ *однообразное* повтореніе дѣйствія ведетъ къ выработкѣ навыка, то необходимо, чтобы питомцы были упражняемы въ томъ или другомъ дѣйствіи по одному и тому же образцу. Было бы нецѣлесообразно, если бы учитель одинъ день упражнялъ учениковъ, напр., въ такомъ начертаніи буквъ, а въ другой день въ иномъ начертаніи тѣхъ же буквъ.

Выше сказано было, что въ теченіе всей своей жизни человѣкъ образуетъ въ себѣ такія или иныя привычки и навыки, въ зависимости отъ требованія дѣйствительности. Но въ юномъ возрастѣ человѣка, когда организмъ его особенно воспріимчивъ и когда въ немъ не заложено еще значительной массы привычекъ и навыковъ, новыя привычки образуются быстро и легче, чѣмъ въ зрѣломъ или старческомъ возрастѣ. У младенца привычки образуются особенно легко и скоро. Достаточно, напр., передъ сномъ покачать младенца раза два—три, и качаніе обратится у него въ привычку: онъ крикомъ будетъ требовать, чтобы его укачивали передъ сномъ. Точно также, достаточно нѣсколько разъ держать младенца, при кормленіи его, на лѣвой рукѣ, чтобы онъ привыкъ къ такому положенію и сталъ выражать безпокойство, если его положить для кормленія на правую руку. Ребенка нѣсколько разъ послѣ обѣда кормили лакомствомъ, и онъ уже привыкъ лакомиться послѣ обѣда. У воспитательницъ, которыя не придерживаются опредѣленнаго порядка въ уходѣ за дѣтьми, послѣднія часто кричатъ, ибо постоянно нарушаются образовавшіяся уже у нихъ привычки.

Привычки, однородныя съ образовавшимися уже привычками, образуются сравнительно легко и скоро, ибо онѣ находятъ себѣ достаточно подготовленную почву въ прежнихъ привычкахъ. Такъ, музыкантъ, долго упражнявшійся въ игрѣ на фортепьяно, легко и скоро пріучается къ разыгрыванію на этомъ же инструментѣ новой музыкальной пьесы.

Сравнительною легкостью выработки привычекъ, однородныхъ съ раньше заложенными, объясняется, отчего несравненно легче воспитывать питомца, въ которомъ заложены уже хорошія привычки, чѣмъ питомца, не имѣющаго такихъ привычекъ или даже обладающаго дурными привычками. Въ первомъ случаѣ воспитанникъ легко воспринимаетъ однородныя хорошія привычки; во второмъ же для заложения хорошихъ привычекъ воспитателю приходится очищать для нихъ почву, ведя трудную борьбу съ противоположными имъ привычками.

VI.

Предупрежденіе дурныхъ привычекъ.

Заботясь объ образованіи въ воспитанникѣ хорошихъ привычекъ, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждать возникновеніе въ немъ дурныхъ. Лучше предупреждать зло, чѣмъ потомъ искоренять его.

Сообразно тремъ способамъ образованія привычекъ, и предупрежденіе возникновенія дурныхъ привычекъ будетъ различно. Предупрежденіе дурныхъ привычекъ, возникающихъ вслѣдствіе вліяній отвлѣ, будетъ находиться въ прямой зависимости отъ качества тѣхъ лицъ и среды, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ дитятей. Если эти лица и среда грубы, суевѣрны, безнравственны, грязны и т. д., то, несомнѣнно, они привьютъ дитяти много дурныхъ привычекъ. Предупредить ихъ появленіе—значить оздоровить среду, окружающую дитя, освѣжить ее, очистить, или же, за невозможностію этого, совсѣмъ вывести изъ нея дитя и водворить его среди хорошихъ людей и вещей. Другого средства для предупрежденія дурныхъ привычекъ этой категоріи нѣтъ.

Нерѣдко дурныя привычки образуются въ питомцѣ по подражанію другимъ лицамъ. Примѣръ, какъ выше сказано, заразителенъ, особенно для дѣтей. Необходимо удалять все то, что можетъ служить дурнымъ примѣромъ для нихъ. Такъ

какъ не всегда возможно устранить воспитанника отъ дурныхъ примѣровъ, то необходимо, по возможности, парализовать вліяніе ихъ на него, относясь съ порицаніемъ къ такимъ примѣрамъ. Въ школѣ, напримѣръ, можетъ быть такой ученикъ, привычки котораго не могутъ служить хорошимъ примѣромъ для остальныхъ учениковъ. Если эти послѣдніе видятъ, что учителя и воспитатели съ неодобреніемъ относятся къ нехорошимъ привычкамъ ихъ товарища, что они принимаютъ всевозможныя мѣры къ отученію его отъ нехорошихъ привычекъ, то, естественно, они не станутъ подражать нехорошимъ его привычкамъ. Къ тому же добрыя привычки, заложенныя въ питомцахъ ранѣе, воспрепятствуютъ вредному вліянію примѣра товарища. Этому же воспрепятствуетъ и сознаніе вреда или неблаговидности нехорошихъ привычекъ, вырабатываемое въ питомцахъ путемъ воздѣйствія на нихъ всѣхъ воспитательныхъ факторовъ.

Наконецъ, непохвальныя привычки дитя можетъ прививать себѣ и само, собственными усиліями. Напримѣръ, оно можетъ стараться пріучаться быть твердымъ, мужественнымъ, и для того грубо относиться къ братьямъ и сестрамъ, непочтительно къ родителямъ и т. п. Очевидно, нѣтъ иного средства предупредить такія привычки, какъ заботы объ общемъ развитіи дитяти, просвѣтленіи его взглядовъ, болѣе разумной формировкѣ убѣжденій.

Такъ какъ привычки и навыки особенно скоро и легко образуются въ юные годы питомца, то потому въ эти годы и должно быть обращено особенное вниманіе на предупрежденіе образованія въ немъ нехорошихъ привычекъ и навыковъ.

VII.

Искорененіе дурныхъ привычекъ.

Дурную привычку, образовавшуюся въ питомцѣ, слѣдуетъ искоренить. Не всѣ привычки одинаково легко поддаются искорененію. Чѣмъ глубже привычка укоренилась въ

человѣкъ, тѣмъ она труднѣе поддается ослабленію, и наоборотъ: чѣмъ она слабѣе, тѣмъ легче можетъ быть искоренена. Старыя привычки уничтожаются съ большимъ трудомъ. Въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастахъ питомца, когда худыя привычки не успѣваютъ еще сильно укорениться въ немъ, онѣ легче поддаются соотвѣтствующему вліянію, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда онѣ сильно уже укрѣпляются. Изъ этого видно, что отнюдь не слѣдуетъ откладывать искорененіе дурной привычки питомца до болѣе зрѣлаго его возраста: какъ только замѣчена дурная привычка, сейчасъ же и слѣдуетъ приняться за ея устраненіе. Предполагать, что съ послѣдующимъ возрастомъ, когда раскроется разумѣніе питомца, онъ самъ избавится отъ своей нехорошей привычки, крайне неосновательно. Хотя онъ и сознаетъ вредъ своей привычки, однако едва-ли будетъ въ состояніи побороть ее, такъ какъ она сильно укоренится въ немъ.

Большая или меньшая трудность искорененія дурной привычки зависитъ также отъ характера самой привычки и связи ея съ другими привычками. Извѣстно, что однѣ привычки легче искореняются, другія—труднѣе, въ зависимости лишь отъ характера ихъ и отъ связи ихъ съ другими привычками.

Къ искорененію образовавшейся уже вредной привычки служитъ неповторяемость дѣйствія, обратившагося въ привычку. Если повтореніе дѣйствія ведетъ къ укрѣпленію привычки, то неповторяемость его ведетъ къ ослабленію ея. Отсюда видно, что для искорененія въ питомцѣ нехорошей привычки слѣдуетъ предупреждать совершеніе имъ привычнаго дѣйствія, для чего полезно удалять отъ него все то, что можетъ служить поводомъ или соблазномъ къ совершенію имъ привычнаго дѣйствія. Иногда необходимо бываетъ, для той же цѣли, совершенно измѣнить обстановку или условія жизни питомца и тѣмъ облегчить ему борьбу съ нехорошей привычкой.

Не мало важное значеніе въ дѣлѣ искорененія дурной

привычки имѣеть желаніе самого воспитанника освободиться отъ нея. Вотъ почему воспитатель возможными мѣрами долженъ стараться возбудить въ немъ сознаніе вреда нехорошей привычки и желаніе освободиться отъ нея. Въ сознаніи и желаніи воспитанника воспитатель найдетъ себѣ сильнаго помощника въ дѣлѣ искорененія дурной привычки: воспитанникъ самъ станетъ удерживаться отъ нехорошаго привычнаго дѣйствія. Если же въ воспитанникѣ не возбуждено желаніе освободиться отъ дурной привычки, то искорененіе ея представляется затруднительнымъ. Воспитателю невозможно бываетъ слѣдить за каждымъ шагомъ питомца. И послѣдній, пользуясь этимъ, станетъ удовлетворять своей привычкѣ всякій разъ, когда за нимъ нѣтъ надзора. Вообще въ дѣлѣ искорененія дурной привычки одна изъ важныхъ задачъ—найти достаточно сильное побужденіе для удержанія воспитываемаго отъ привычнаго дѣйствія. Самый лучшій мотивъ для этого—вполнѣ ясное, отчетливое сознаніе вреда дурной привычки. Во всякомъ случаѣ наказанія не могутъ служить такими мотивами, такъ какъ они неизбѣжно влекутъ за собою разнообразныя и вредныя въ педагогическомъ отношеніи слѣдствія ¹⁾).

Одновременно съ искорененіемъ дурной привычки, очень полезно вырабатывать въ питомцѣ противоположную ей, хорошую привычку, или, вообще, такую, которая парализовала бы искореняемую. Такъ, искореняя въ питомцѣ привычку къ безграмотному письму, слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приучать его къ грамотному письму. Искореняя въ питомцѣ привычку къ неряшливости и неаккуратности, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывать въ немъ привычку къ порядку и аккуратности.

¹⁾ См. выпускъ V „Энциклопедіи“: „Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи“, И. О. Фесенко.

VIII.

Главнѣйшія привычки.

Въ заключеніе мы хотимъ коротко указать на три главнѣйшія привычки, о прिवитіи которыхъ дѣтямъ матери должны заботиться, какъ можно ранѣе. Эти привычки слѣдующія: къ опрятности, правдивости и дѣятельности.

Опрятность, чистоплотность есть одна изъ главнѣйшихъ тѣлесныхъ добродѣтелей. Мы не можемъ требовать отъ человѣка ни физической красоты, ни особенной физической силы, ни даже могучаго здоровья, если всѣ эти качества не даны природой. Воспитаніе, искусство не могутъ создать ихъ, хотя и могутъ кое-что сдѣлать въ этомъ отношеніи; опрятность же, привычку къ ней создать можно. Опрятность—дѣло чрезвычайно важное, она касается прежде всего чистоты тѣла, потомъ одежды и наконецъ всей обстановки. Человѣкъ неопрятный совершаетъ самый большой грѣхъ противъ своего тѣла, противъ собственной гигиены. Для созданія соотвѣтственной привычки мать съ перваго дня рожденія дитяти должна содержать его въ чистотѣ, не позволять ему оставаться въ грязи, и о томъ же должна заботиться по отношенію ко всей, окружающей дитя, обстановкѣ. Глазъ дитяти навькнетъ къ чистотѣ, оно незамѣтно приучится къ опрятности и всякая погрѣшность противъ заповѣди: „блюди себя въ чистотѣ“, будетъ вызывать въ немъ непріятное чувство. Когда дитя подрастетъ и попадетъ въ такую же среду чистоты и аккуратности, его дѣтская привычка будетъ укрѣпляться подражательностію; а еще позднѣе взрослый сознательно будетъ самъ поддерживать свой ранній навькъ къ чистотѣ.

То, что для тѣла опрятность, то для души правдивость; это духовная чистота и опрятность. Человѣкъ неправдивый, лживый есть нравственный неряха, ему будетъ недоставать существеннаго условія для приобрѣтенія другихъ нравственныхъ качествъ. Итальянскій писатель Петръ Джіордани

справедливо утверждаетъ, что пороки во всѣхъ случаяхъ представляютъ изъ себя ложь. „Замѣтитъ въ себѣ ложь гордецъ, потому что ставитъ себя выше дѣйствительнаго уровня. Далекъ отъ истины и пресмыкающійся человѣкъ, потому что считаетъ себя ниже дѣйствительной стоимости. Замѣтитъ въ себѣ ложь безразсудный смѣльчакъ, потому что онъ или не знаетъ опасности или ошибочно считаетъ свои силы достаточными, чтобы одолѣть ее. Ложно положеніе и труса, потому что онъ видитъ опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, или не понимаетъ, что у него хватить силъ на этотъ разъ. Если прослѣдить за жизнью, то окажется, что добродѣтель есть вѣрное мнѣніе о себѣ и о всемъ другомъ, а порокъ— большее или меньшее уклоненіе отъ истины“¹⁾.

Средства для развитія правдивости тѣ же, что и для пріученія къ чистоплотности, именно: правдивость матери, отца, высокая оцѣнка ими правдивости у дѣтей, подражаніе правдивымъ дѣтямъ и взрослымъ, окружающимъ данное дитя, и наконецъ, съ возрастомъ, сознательное убѣжденіе въ необходимости и большомъ значеніи правдивости во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Наибольше значеніе правдивости, а равно и чистоплотности, придается въ англійскомъ воспитаніи. Въ англійскихъ школахъ дѣти не лгутъ, ложь есть тамъ самый большой порокъ и лгуны изгоняются.

Третій чрезвычайно важный навѣкъ заключается въ пріученіи дитяти къ дѣятельности. Нѣтъ ничего отвратительнѣе зрѣлища дитяти, изнывающаго отъ бездѣлья, не знающаго, къ чему ему приложить свои силы, дурѣющаго отъ скуки и отъ скуки же дѣлающагося невыносимымъ для всѣхъ. По природѣ дѣти очень дѣятельны и нужно не особенно много хлопотъ, чтобы поддержать въ нихъ этотъ священный огонь. Школы особенно много портятъ въ этомъ отношеніи дѣтей, своимъ непонятнымъ и рановременнымъ обученіемъ осуждая дѣтей на бездѣятельность. Въ нашихъ

¹⁾ А. Габріеля, Воспитаніе характера. Пер. съ итальянскаго. СПб. 1880. Стр. 99.

классахъ дѣти нерѣдко отчаянно скучаютъ. Изъ такихъ дѣтей и выходятъ лѣнивые люди, тяжелые на подъемъ, которые не могутъ ни напрягать своихъ силъ, ни работать долго. Дѣтямъ всегда нужно предоставлять материалъ для дѣятельности, достаточно обильный и достаточно разнообразный, дѣти не должны скучать, быть праздными, не должны видѣть скуки и праздности и вокругъ себя. Они должны расти живыми дѣятельными существами, которыя отдыхаютъ только, когда спать. Вся ихъ бодрственная жизнь должна быть смѣной разнообразной дѣятельности: физической и духовной, развлеченій и игръ, занятій и работы, примѣнительно къ возрасту, къ дѣтскимъ силамъ, вкусамъ и потребностямъ. Дѣятельныя дѣти выростутъ въ энергичныхъ, не покладающихъ рукъ, несокрушимыхъ въ своей энергійи и предприимчивости дѣльцовъ и борцовъ въ высокомъ смыслѣ этихъ словъ.

К. Ельницкій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УКАЗАНІЯ.

1. *Ушинскій*. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Ч. I, гл. XII—XV.
2. *Локкъ*. Мысли о воспитаніи. Переводъ съ англ. А. Басистова. 1896.
3. *Неккеръ-де-Соссюръ*. О постепенномъ воспитаніи. Москва, 1865. Книга 3-я.
4. *Paul Radestock*, Die Gewöhnung und ihre Wichtigkeit für die Erziehung. Berlin, 1882.
5. Pädagogische Abhandlungen, herausgegeben von Strümpel. Art. von *Hantsche*, die Bedeutung der Anstandszornen des gebildeten geselligen Verkehrs für die Sittliche Bildung der Jugend. (Leipzig).
6. Л. Морганъ, Привычка и инстинктъ. Пер. съ англ. Чепинской. СПБ., 1899.